

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"NUESTRO PAIS"

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concepción Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO IX Buenos Aires, Jueves, 16 de mayo de 1957 Буэнос Айрес, четверг, 16-го мая 1957 года № 382

Д-р А. К.

(Продолжение)

О доктринах и доктринах

2

Вопрос продолжительности существования в России коммунистической системы предост нам в свете проявленного до сих пор полного равнодушия Запада и, мы добавим, — равнодушия благожелательного. Эта благожелательность дошла до той меры, что она еще более укрепилась весьма непрочные позиции коммунизма не только во вне, но также и особенно внутри самого СССР, лишив поработанные народы вполне, казалось бы, законной надежды на какую-то помощь извне в их никогда не прекращавшейся борьбе против марксистского рабства.

Коммунистическая система в России была насаждена при содействии двух факторов — внутреннего (весьма слабого, Ленин вообще не верил в возможность русской революции), и внешнего. Казалось бы идеальным представить себе свержение коммунизма при содействии тех же двух факторов, т. е. внутреннего и внешнего. Таковыми в настоящий момент являются — поработанный Русский и другие народы с одной стороны, а с другой — свободный мир. Однако, в свете современного нашего объективного уяснения обоих этих факторов, явствует несомненно, что хотя внутреннее положение в самом СССР и в других поработанных странах предельно и насыщено революционно в смысле отрицания и непризнания марксизма, внешний фактор, который бы мог значительно и существенно способствовать выявлению этих внутренних национально-революционных антикоммунистических сил ("свободный мир") — всячески тому препятствует.

Еще в 1948 году проф. И. А. Ильин, исходя из объективной оценки положения в послевоенной Европе, писал, что за три протекшие после войны года выяснилось с очевидностью, что европейские народы не хотят коммунизма, несмотря на весьма благоприятную послевоенную обстановку духовной и материальной разлуки (марксистские предпосылки для успешного насаждения коммунизма), и несмотря на все попытки учинить переворот, при весьма сильных национальных компартиях (Франции и Италии) и уже развязанной Сталиным и Тито гражданской войны в Греции. По существу, в этот самый благоприятный для коммунизма момент, кто мог помешать таковому завладеть полуразрушенной Европой?

Проф. И. А. Ильин далее устанавливает, что европейский пролетариат оказался "не на высоте", и не оправдал надежд мировых коммунистических "пророков", на него возлагаемых.

Ныне же видим мы и то, что в уже, казалось бы, установленных и "устоявшихся" коммунистических странах наблюдается несомненное искажение ортодоксального коммунизма, в виде т. наз. "национального коммунизма", каковое в наши дни все более и более углубляется (Тито, Гомулка).

Дальнейший анализ выявляет все более и более угрожающие симптомы внутреннего разложения коммунизма, а национальный вопрос, не только в имперском масштабе, но также и в рамках более узкого СССР принимает все более и более угрожающие формы.

Таковы вкратце объективные предпосылки на сегодняшний день. Мы видим, что в этот послевоенный период, который несомненно таил в себе все самые благоприятные перспективы для всеевропейского насаждения марксизма, таковые не были использованы в силу

тех, или иных причин. Двенадцать лет спустя после окончания войны, мы устанавливаем, что, несмотря на весьма значительные территориальные приобретения, мировой коммунизм переживает несомненный кризис, как экономический (всегда коммунизму сопутствовавший), так и особенно, и прежде всего, кризис идеологический и психологический, как в самой КПСС, так и во всех национальных компартиях во всех странах Европы и Америки. И все это произошло при постоянной и ни на минуту не прекращавшейся благожелательности Запада, как в отношении самого СССР ("братство от демократий"), так и национальных компартий ("демократическая партия") и парламентских фракций их в палатах отдельных стран.

Эта несомненная благожелательность Запада к враждебной для России стихии уходит корнями в никогда непреодоленную разность двух миров: России и Запада. Запад никогда не понимал, боялся, и потому не любил Россию. Россия была чужда Западу языком, культурой, верой, государственным и жизненным укладом.

Итак, независимо от всего этого, территориальное расширение коммунизма, имевшее место в эти послевоенные годы, относится исключительно к вопиющим и преступным ошибкам и "ошибкам" политики свободного мира, а отнюдь не к жизненной силе и прорывающему из этой силы динамическому вращению коммунизма в мировой организм. И если мировой коммунизм и протянул до наших дней, то этим всецело обязан отнюдь не своей жизненной силе и приписываемой ему "историчности" в смысле неизбежного и обязательного его всемирного распространения. Это и объясняется в значительной степени тем, что параллельно территориальному и внешнему продвижению (преступные "ошибки" Запада) коммунизма, внутреннее его разложение и отмирание ни на минуту не приостанавливалось, а к концу 1956 года, оно приняло совершенно определенные и весьма ощутимые формы.

Последняя война и приобретение новых территорий влило в застоявшийся советский марксизм (в рамках СССР до 1939 года) новую, живительную струю, давшую кремлевским лидерам столь необходимую им отдушину, куда и канализировались общественные и национальные силы в самом СССР, столь для них опасные, а с приобретением новых территорий, силы эти были употреблены на их освоение и вращение их в костяк, создавшегося в процессе Второй Мировой войны, уже не одного социалистического СССР, а мировой социалистической империи, для каковой весьма удачно найдена формулировка "большого СССР".

Во время самой войны силы эти, национальные и потенциально антикоммунистические, направлялись каналами "русского патриотизма". К послевоенному периоду относится и смерть Жданова, какового многие считают, если не автором, то горячим сторонником ("горячие головы") — по выражению Сталина) т. наз. "плана максимум", т. е. — немедленного военного освоения Европы непосредственно с окончанием военных действий против Германии. Жданов здесь выступает несомненно в свете какого-то нео-троцкизма (в духе выдвинутой Троцким в свое время теории "перманентной революции") в условиях уже послевоенной Европы 1945-48. Осторожный и хитрый Сталин, оказавшийся трезвым государственным

практиком мирового коммунизма, рассудил иначе, так же, как он рассудил во времена первого троцкизма (с теми же результатами лично для Жданова), создав свою теорию "социализма в одной стране". Это не случилось также и потому, что Сталин прекрасно понимал и отдавал себе ясный отчет в слабости внутреннего фронта СССР, как такового, несмотря даже на то, что в советских тылах шло казенное ликование, и советские официальные круги буквально "...кричали ура, и в воздух чепчики бросали", а "горячие головы", как Жданов, возмечтали о вполне, казалось бы, реальном освоении послевоенной Европы силой оружия — Сталин правильно понял что для такого освоения необходимы крепкие тылы, и что для такого освоения Российские народы не являются надежной опорой. И созвучно этому недоверию, в СССР, параллельно с казенным ликованием, шел подспудный процесс ликвидации выявившихся во время войны национальных и антикоммунистических элементов в самом СССР, а также и во вне его, при деятельном содействии Запада (РОА ген. А. А. Власова и пр.)

Этапы этого послевоенного освоения мира нам известны. И тем не менее, как мы то ныне и видим, коммунизм, лишенный какой бы то ни было органичности и жизненной силы, протянул в этом виде до наших дней, оказавшись по существу внутренне немощным, и внутренне бессильным, несмотря на все благожелательство, проявленное к нему мировыми "власть придержащими" за все дни его существования, и несмотря на все, весьма серьезные и существенные "ошибки", проявленные в сфере "антикоммунизма" западных демократий.

Таково объективное положение, и выводы отсюда весьма просты и сами собой напрашиваются. Эти выводы можно смело исключить из категории "широких обобщений". Одновременные события в Венгрии и Египте наилучшим образом эти выводы и подтверждают, не только в смысле истинного положения вещей внутри "малого" и "большого" СССР, но также и в смысле упорного нежелания Запада взглянуть на все это не через призму традиционной и вьющейся в мозг костей ненависти к России, а трезво и объективно. И несмотря на то, что эти события предостоят в их несомненной сущности как "мemento мори" для Запада, позиция президента Эйзенхауэра и его сотрудников отнюдь не таковы, каковыми мы их ожидали, и каковыми они и должны были бы быть, исходя из основной сути вещей. И несмотря на то, что мы уясняем себе органическую слабость коммунизма в истинном ее свете, как и неизбежную конечную победу добра над злом, мы в той же мере уясняем себе и то, что эта несомненная победа может произойти лишь в исторической перспективе, а "отмирание" марксистской доктрины протянется еще на целое десятилетие, и более того, в особенности, если этому отмиранию всячески препятствовать и не прекратить спасительных переливаний крови в вены изживающего себя внутренне и внешне марксизма. Таковыми переливаниями крови помимо всего прочего и являются всевозможные безответственные заявления. Мы с горечью устанавливаем, что занятая САСШ позиция ничем по существу не отличается от таковой рузвельтовской эпохи и ее достойных деятелей, отдавших дышащему на ладан мировому коммунизму все, что можно было отдать, и тем самым отложивших неизбежную смерть его на еще какое-то неизвестное время.

Поработанный Русский народ больше всех, и прежде всего, имеет право считать президента САСШ своим союз-

ником, а не союзником его поработителей, и вольным или невольным помощником их, которых он, президент САСШ, безоговорочно приравнивает к историческим и законным правителям бывшей и будущей России. Когда поверженную в прах Национальную Россию обливают грязью такого рода "частные" учреждения, как "Американский Комитет" и радиостанция "Голос Америки", то мы это с некоторой натяжкой причисляем к категории "ошибок" и безответственных выпадов. Но, когда об этом заявляет глава государства, то это уже трудно рассматривать, как безответственное заявление. Это уже относится к области сознательно проводимой политики.

В настоящее время обращает на себя внимание вновь всколыхнувшаяся с новой силой волна, идущая по двум основным направлениям: антирусскому и расчленительному. В устах политических лидеров свободного мира, а САСШ особенно, венгерское восстание звучит лишь как новый антирусский аргумент. Попутно ген. Эйзенхауэр устанавливает преемственность "империализма царей и империализма СССР" на Среднем Востоке(?), а на имевшем недавно место в Брюсселе съезде Международной Конфедерации Свободных Профсоюзов, один из делегатов этого съезда заявляет, что "в 1848 году национальное восстание против иноземного владычества в Венгрии было подавлено армиями русского царя, а таковое же 1956 года — армиями СССР"...

Остается спросить: в чем коренится направленность политики свободного мира, и где предпосылки для ее антирусского убеждения — в исконной ненависти к России, или в антикоммунизме и ненависти к поработителям свободы вообще, а свободы Русского народа, в частности?

Или же они исходят из ощущения собственного достоинства и морального превосходства свободного Запада над поработанной Россией? Но таковое ощущение за все время существования коммунистической системы не подтвердилось ни одним актом, который можно бы было безоговорочно записать в моральный кредит демократий. Где и когда проявились акты оскорбленной демократической гражданственности в мировом масштабе? И не были ли эти акты, наоборот, вопиюще противными этой гражданственности и чувству собственного достоинства, а также и основным законам человеколюбия, не на бумаге, а на деле, начиная от Ялтинского сговора демократий с мировым коммунизмом, и кончая тем же венгерским восстанием, каковое и явилось результатом продажи Венгрии на том же Ялтинском соглашении, плывущимися нынче о "русском империализме" теми же демократическими лидерами?

Все это говорит о том, что мы должны всемерно сплотиться около русской государственной идеи. Это относится также, и в первую очередь к левой эмиграции, в весьма значительной степени ослабляющей позицию всей русской эмиграции в свободном мире. Наше общее эмигрантство есть по существу неполноценное существование вне границ нашего государства. Вся горечь этого существования и всю бездну национального нашего унижения чувствуем мы все вместе — независимо от партийной принадлежности. И вопрос следует ставить так, что есть большее зло, страдания ли наши и нашего народа в условиях узурпации исторической власти в России, или же над нами довлеет сила разбушевавшихся наших страстей и личных амбиций, будь то в правых или левых плоскостях? Мы видим из нашей исто-

рии, что несомненные наши эмигранты, приютившиеся под окрылом враждебных исконной России сил, и всей жизнью своей столь взбалтанные всевозможных западных "свобод" и пр, и пр. — дали весьма недвусмысленный ответ на этот вопрос. Ведь Россия, порабошенная ли ныне коммунизмом, или "демократиями" впоследствии, никогда не будет духовной родиной наших ни правых, ни левых. И мы не должны мыслить категориями одного или двух поколений, ни в правом, ни в левом смысле. Мы — Русские, россияне, и этим predetermined наша духовная и государственная сущность — бывшая, и будущая.

И пусть наша левая эмиграция не заблуждается, что грядущая по рецепту их покровителей (временных!) как-то "федералистическая" Россия будет Россией для нас, или для них: в лучшем случае это будет какой-нибудь новый Египет на "восточных пространствах", но не Россия. Запад не любит никакой России — ни правой, ни левой. Таково же его истинное отношение и к представителям этих лагерей. Современная конъюнктура как-будто бы на левой стороне, но эта конъюнктура политического момента, а не историческая. Нашу истинную, народную самодержавную демократию Запад задушил марксистской доктриной, и будущую постсоветскую Россию собираются утратить и далее на костях и крови нашего народа и народов. Оказалось, что Западу Россия не нужна, ему нужны или "восточные пространства", или "рынки".

Нам же нужна Россия. И думается, что в конечном итоге и по существу — всем нам без исключения, "правым" и "левым", "украинцам" и "казакиям". И как бы здесь кого бы то ни было и ни гладил по головке, это истинной сущности отношений к нам Запада не меняет, каковая и проявится рано или поздно. Так случилось во времена "великого похода против коммунизма" 1941-45 г.г. Мы знаем, какой дорогой ценой наша эмиграция заплатила за эту ошибку, и не только эмиграция, но и украинский, и русский, и другие народы.

Не будем повторять этих роковых ошибок!

Др. А. К.

НА ПОСТРОЙКУ СОБОРНОГО ХРАМА В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

поступили следующие суммы;
от И. Р. — 2 дол.

Формоза и Пекин — Москва-САСШ

Письмо из Сиднея

...Я прожил на Формозе с февраля 1949 года по апрель 1955 года, перебравшись на этот остров из Шанхая за три с половиной месяца до занятия этого Желтого Вавилона китайскими коммунистами. Первые два года жил я на этом острове в северном портовом городе Килунг, а остальное время в Тайпэ — столице Формозы.

За эти годы много накопилось впечатлений и о самом удивительно живописном и богатом "Вечно цветущем Острове", и о китайских националистах с их доблестным вождем — Генералиссимусом Чан Кай-ши, и о их страстном желании освободить свой материк от красной язвы, особенно в 1953-54 годах, когда представлялись наиболее благоприятные условия для этой операции, и об упорной борьбе китайских националистов за "политику свободных рук", и о горькой тоске их, когда на свой вопль о помощи они получали отклик от своих "верных союзников" в виде каких-то крох и всегда поздно...

Все это и многое другое всколыхнулось в моей памяти, когда я на днях прочел в газетах сообщение о том, что 2-го марта тек. года президент Чан Кай-ши заявил в Тайпэ на приеме американских журналистов, что "только высадка на материк националистических войск сможет окончательно приостановить развитие коммунизма на Дальнем Востоке и в Азии и восстановить мир".

Такого рода заявление не является первым со стороны президента Национального Китая. И лично, в непосредственной беседе с важными гостями из Вашингтона, и через своих официальных представителей он настойчиво неоднократно стучался в Белый Дом, уверяя и доказывая, как высоко компетентный человек, что население захваченного красными китайского материка смелительно устало от повального террора коммунистов, что оно готово в любой момент присоединиться к его десантным войскам, что ему не нужен ни один иностранный солдат, что его агенты и друзьями насыщены весь бюрократический аппарат пекинских коммунистов и что они ждут только сигнала к освободительной акции, что безумно терять драгоценное время и тем самым давать коммунистам возможность расширять и укреплять свои военные силы, что только коммунизированный Китай дает Москве способность так или иначе захватывать азиатские страны и

готовить ту страшную силу, которая в конечном итоге и в первую голову прежде всего обрушится на Америку. Что он, президент НАЦИОНАЛЬНОГО Китая просит только об одном, помочь ему морально и достаточным количеством военной амуниции и не мешать ему прыгнуть на материк.

Но все усилия Чан Кай-ши, как и его друга Сингман-Ри образумить американских политиков были и остаются тщетными. Ведущая "мировая демократия" продолжает катиться в бездну своих катастрофических ошибок, если то, что она проделывает суть ошибки, а не безумие.

С еще большим сочувствием прочел я в американском журнале "News Week" от 11-го марта текущего года письмо в редакцию этого журнала известного китайского политического деятеля Жоржа Тсенга. Оно настолько выразительно и кратко, что заслуживает внимания:

"Позвольте мне сказать вам, что народ Формозы не имеет намерения заключать мир с пекинскими мятежниками. Если коммунисты хотят Формозу, то они возьмут ее только силой. Мы удержим Формозу независимо от того, будем или не будем сидеть в ООН. Мы вернем материк в один прекрасный день и тоже независимо от того, помогут нам или нет. Мы, китайцы, — забавный народ. Мы выиграем войну в своем одиночестве, выиграем ее раньше, чем наши друзья удосужатся повернуть свою голову к нам".

Это во многих отношениях характерное письмо во всем его глубинном объеме поймет лишь тот, кто сумеет хотя бы в общих чертах представить себе картину той трагедии, которая развертывается вокруг таких трех ключевых точек на Дальнем Востоке, как Формоза, Южная Корея и Япония. Эти три точки, пусть малые по своему географическому состоянию, являются в военно-политической жизни страшной угрозой для красного Китая и вообще для коммунистической экспансии в Азии. Во главе этих трех стран стоят крепкие испытанные националисты, люди волевые, умные и популярные, хорошо знающие, чего они хотят и вполне уверенные в успехе своей борьбы с красным злом на Дальнем Востоке, но связанные своей материальной зависимостью от политических спекулянтов, играющих судьбами целых народов.

Ставка Чан Кай-ши, Сингман-Ри и

японских правящих кругов, верная и бесспорная, — на ненависть коренного населения к коммунистическому режиму и на его готовность включиться в любую освободительную акцию, чтобы отстоять свою независимость и сохранить в своей жизни свои тысячелетние государственные, религиозные и бытовые традиции.

Странное и страшное получается впечатление от зрелища творимого.

Американский ген. Маршалл, автор и проводник плана международной помощи за счет американского налогоплательщика, в 1948 году обезоружил Генералиссимуса Чан Кай-ши... чтобы передать Китай коммунистам.

М-р Труман во время горячей военной страды в Корее, накануне полного разгрома корейских коммунистов, сроч но уволил в чистую отставку боевого ген. Мак Артура... чтобы сохранить основное гнездо — Северную Корею, одну из основных баз Коминтерна на Дальнем Востоке.

В настоящее время САСШ продолжают держать 7-ой американский флот в Формозском проливе... чтобы, охраняя Формозу от нападения на нее красных, не дать одновременно возможность китайским националистам вторгнуться на красный материк и тем помешать красным укреплять свои силы.

Вашингтон отпускает второй миллиард золотых долларов коммунисту Тито, недавно заявившему во всеуслышание о своей верной преданности идеям и целям мирового коммунизма, и бросает жалкие крохи Чан Кай-ши и Сингман-Ри... чтобы отвести их удары по коммунизму.

Получается какое-то безумие на фоне нелепых парадоксов. Буржуазно-капиталистический мир дает профессиональному злодею нож в руки... чтобы он скорее дорезал недорезанных буржуев и капиталистов!

Наша эпоха тьмы и скорби завершается поистине диким шабашем ведьм, в котором и черти, и блохи, и мертвецы отплясывают танец смерти всему живому и чистому в мире.

Утешаешь себя изречением народной мудрости о том, что ТЕМНЕЕ ВСЕГО БЫВАЕТ ПЕРЕД РАССВЕТОМ. И верю в то, что рассвет этот близок, близок негаданный день воскресения России из пепла льявольской затишья — каторжного СССР. А вместе с нею и освобождения мира от позорных цепей наседающего мрака лже-либерализма и лже-демократизма, приносящих свободу человека в жертву ради грязных и подлых военно-политических спекуляций.

М. М. Спасовский

Александра Воронцова

— Записки переводчицы —

4. СОВРЕМЕННЫЕ СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ, ИХ НАСТРОЕНИЯ И СТИХИ

Когда, после осмотра Неаполя, мы ехали с туристами в Рим, моя подруга-переводчица — смуглая и бойкая итальянка шепнула мне, что в ее группе интересный русский поэт. Я перешла в другой вагон, где быстро с ним познакомилась. Это был 40-летний ленинградец Василий Дмитриевич Захарченко, живущий последние годы в Москве. Он заявил мне, что является по преимуществу "экзотическим" поэтом, ибо много путешествует и описывает не советскую жизнь, а заграничную, которая так интересует советского читателя.

Перед самой экскурсией вышел сборник его стихов "Чайки летят". Поэт поспешил мне показать эту книжечку, изданную в 1956 году издательством "Молодая Гвардия", выпускающим литературу для комсомольцев. Автор рассказал, что совершил в 1955 году путешествие морем из Одессы на Сахалин и его стихи передают его впечатления от виденных стран.

— А Сахалин вы тоже воспели? — спросила я его.

— Нет, что там воспевать. — рассмеялся он, — там такая же советская жизнь, как и везде у нас. — ответил он, не поясняя своего отношения к этой жизни. — Лучше я вам продекламирую мои стихи, которые вам понравятся. Их находит наша критика удачными.

Прослушав некоторые его стихи: "Измаилия", "Сомалиец поет", "Возле храма в Сингапуре", "Тень Хиросимы", я убедилась, что он выполняет "социальный заказ" партии поэтической пропагандой против Запада, но все же про-

сила его написать мне на память те, которые автор находит наиболее удачными. Это позволяет мне теперь привести отрывки из тех стихов, которые он поднес мне при расставании с этой экскурсией.

Вот отрывок из стихотворения "Суэц", которое, наверное, часто исполняли на всяких советских клубных эстрадах, когда несколько месяцев спустя это имя приобрело мировую известность в период боев на канале. "Вода горька, горька как соль."

Как-будто горечью народа
Веками ненависть и боль
В ней накопились год от года...

Захарченко говорил, что в Египте туристам все говорили о лютой ненависти к Англии, что позволяло советникам играть на том, что "Россия" (он не сказал СССР, а именно Россия) никогда не обижала другие народы, как это делают англичане". Приняв меня за итальянку, он добавил:

— Англичане сдуру вышибли вас из Африки, чтоб ее всю себе забрать, но теперь в Африке ничего не имеют против вас, немцев или русских, зато англичан все ненавидят и, конечно, их тоже вышибут оттуда. Этому Россия всегда поможет. Мы их тоже не любим!

Несмотря на его комплимент Италии, правящей и сейчас своей бывшей колонией от имени Объединенных Наций, он мне переписал стихи "Сомалиец поет", где он так объясняет заунывный напев песен сомалийцев:

"Лайте не выдавшему от века
Человеку радость человека!
Помогите заглянуть вперед
Он тогда о счастье запоет..."

На мое замечание, что многие русские песни тоже грустны, он стал спорить, что это грусть лирическая, объяснимая глубокими переживаниями чуждой русской души, но что русские песни всегда были бодрыми и показывали силу русского духа.

Стихи "XX-ый век" посвящены антибританской забастовке, которая совпала с посещением Захарченко Сингапура и, возможно, (он этого не сказал), поддерживалась инспирируемой и финансируемой из СССР местной компартией.

"...Нет, сознание протестует:
Двадцатый век провел черту.
Если докеры здесь бастуют
Пятый день в Сингапурском порту!"

Из беседы с Захарченко я поняла, что он избегает советских сюжетов и не воспевает стахановских соревнований, ни поездок на целину. Но он любит Россию и его в коммунизме, возможно, увлекает вот именно эта перспектива "вышибить" отовсюду англичан и других западных колониалистов. Конечно, советской пропаганде с руки печатать такие стихи и посылать такого поэта за границу. Он же молчит о том, как живет русскому народу, жалея сомалийца и сингапурского докера, а не тысячи зверски эксплуатируемых русских заключенных советских лагерей, лишенных даже той свободы, которую имеют сомалийцы или докеры далекого Сингапура!

Другое впечатление произвела на меня московская лирическая поэтесса Муза Константиновна Павлова, строго одетая и несколько жеманная, считающая себя "знаменитостью", хотя другие туристы заявили мне, что никогда не читали ее стихов. Мне она своих стихов не читала, а только важно заметила, что родилась в Перми за 6 недель "до свержения царского режима". Думаю, что она не очень умна, ибо держалась не-

сколько особняком от своих же туристов и мало интересовалась осматриваемыми городами и памятниками.

Зато впечатление весельчака произвел на меня московский поэт Сергей Васильевич Смирнов. Ему 44 года, но он в шутку представился комсомольским поэтом. Говорили, что он пишет бойкие экспромты и он меня таким награждал на прощанье, "пробрав" в нем ЧИТ (Компания Италиана Туристика), которая принимала туристов в Италии.

— Не обижайтесь за своих хозяев, — сказал он мне, — они вас тут здорово эксплуатируют. Переведите им мой экспромт, когда мы уедем!

"После зноя и пылинки,
После древних стен и плит,
После очень скромной пищи
В ресторанах фирмы ЧИТ.

После блеска показательного,
Показных заморских благ
Хорошо вернуться снова
На корабль — под красный флаг.

Словно пламенная птица
Он парит над головой,
За бортами — за граница,
А у нас порядок свой!"

Шустрый комсомольский поэт не дал оценки этому "своему" порядку, в котором гораздо больше показательного, чем в том, что он видел хотя бы в Италии.

Он часто беседовал с Борисом Полевым (Камповым), производившим на нас — переводчиков — впечатление своеобразного политического комиссара в отношении советской пишущей братии; мы его прозвали "бандитом".

Более мимолетным было мое знакомство с украинским лирическим поэтом Платоном Никитовичем Воронько. Этому толстому украинцу 43 года. Он родом из Сум, но уже много лет живет в Киеве; свои стихи пишет только по-украински, почему, не зная этого языка, я ими и не интересовалась. Мне показали также эстонского поэта Ку-

Н. Потоцкий

Иудушка из „Русской Мысли“

К немалому числу просвещенных либералов и демократов, наставительно и свысока поучающих нас, бедных неучей-монархистов, прибавился еще один из стаи славных водовских орлов, некий В. Юкшинский, который прочитал лекцию „Монархизм о монархизме“ в № 1033 „Русской Мысли“.

Впрочем, на этот раз редакция этой газеты, ставшей с некоторого времени чрезвычайно (и весьма подозрительно) терпимой — подумайте, даже напечатала объявление Парижского Отдела НМД о Дне непримиримости к Февралю! — решила, для придания этому „учителю“ большего авторитета в наших глазах, загримировать его „под монархиста“: В. Юкшинский начинает с сообщения о том, что он „в молодости принимал деятельное участие в монархическом движении“, хотя и не говорит, почему он из него ушел или его „ушли“, и что даже „после долгого и драматического пребывания в Сов. России он сохранил уважение к основным идеологическим принципам монархии“. Эти принципы он кратко повторяет:

„1. Монархия — Божьей милостью была и остается сейчас единственной государственной идеей, основанной на принципах нравственных (не обязательно церковно-религиозных). В этом ее несомненное преимущество перед всеми иными политическими теориями“.

„2. Монархизм, как практическая политическая идея, представляется мне, как средняя арбитражная линия в звериной классово-борьбе“.

Таким образом, г. Юкшинский, по мысли редакции газеты, должен быть для нас, монархистов, „своим человеком“. А так как он провел долгие годы в СССР, то уж, конечно, его высказывания о монархии должны быть для нас в высшей степени авторитетны и побудить нас, приняв в соображения его „благожелательную“ критику, пересмотреть нашу тактику и, прежде всего, — вот тут г. Водов и зарыл для нас свою собаку! — вопрос о ведении нами монархической пропаганды в подсоветских массах.

Ибо, начав совершенно как щедринский Иудушка, с сладкогласных и веле-речивых словес, г. Юкшинский сразу же потерял свой монархический грим, кончив „за упокой“, упокой, конечно, для нас, монархистов, и для того, что мы понимаем под нашей активной рабо-

гена Николаевича Раннета. Он говорил по-русски с сильным акцентом, сказал мне, что пишет только по-американски, что ему 45 лет и что он родился в Швеции, где жили его родители до Первой Мировой войны. Он не знал ни дореволюционной России, ни советской до 1939 года, со мной был очень сух и осторожен, видимо, чувствовал, что не пользуется доверием всяких гласных и негласных наблюдателей.

Все поэты были очень рады, когда я им говорила, как на Западе чтут русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, баснописца Крылова. Они часто спрашивали меня: знают ли на Западе советских поэтов? Я отвечала, что знают только Сергея Есенина и Владимира Маяковского, но недоумевают, почему они оба такими молодыми покончили самоубийством. На это мне отвечали, что это вызвано их личными переживаниями, а не недовольством режимом, но что причины их гибели было бы долго мне объяснять. Вообще поэты были все очень осторожны, боясь привлечь к себе внимание иностранных и местных журналистов, которые проявляли к ним больше интереса, чем к другим туристам и могли бы их подвести. Со мной же Захарченко и Смирнов не только охотно беседовали, но и записали свои стихи, судить о которых представляю читателям.

В следующий раз расскажу о двух подруживших со мной известных писателях: Авдеенко и Руденко, широко известных теперь в СССР.

Александра Воронцова

Контора газеты „Наша Страна“ очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

той: переброски монархической идеи и имени Великого Князя Владимира Кирилловича в подсоветские массы при помощи нелегальной литературы, переправляемой в СССР по имеющимся в нашем распоряжении каналам.

Этому „упокою“ г. Юкшинский предпосылает свое „убеждение, что монархические стремления, выходящие из лучших глубин человеческого сердца, требующего морального обоснования политики, — сегодня должны быть отнесены к области мечтаний и поэзии“. А чтобы доказать нам, что „проза жизни говорит другое“, г. Юкшинский приводит нам несколько, по его мнению, чрезвычайно веских аргументов, которые мы проанализируем пункт за пунктом, чтобы показать ему, что с нашей точки зрения они не стоят выеденного яйца.

„Одним из сильнейших козырей сов. пропаганды является пугало царизма, помещиков и капиталистов и вообще — „господ““.

Не странно ли, что человек, заявляющий, что он пробыв долгие годы в СССР, не знает той простой истины, что всякий толковый человек нашей Родины советской пропаганде перестал верить уже много-много лет тому назад, а, я надеюсь, что г. Юкшинский признает все-таки вместе со мною, что Русский народ в подавляющем своем большинстве состоит именно из людей толковых, которые привыкли рассуждать так: если сов. пропаганда говорит о чем-нибудь так, то это значит, что на деле было и есть совсем иначе. И что если она ругает царизм, то значит в нем наверняка было что-то, а может быть и все, только хорошее. Что же касается „господ“, то неужели же эти толковые русские люди вот уже почти 40 лет не ощущают на своем собственном горбу присутствие класса такого рода новых господ, мучителей, палачей, убийц и твердой души прохвостов, занимающих в социальной жизни нашего народа самое бесстыдное привилегированное положение, что худших господ и представить себе совершенно невозможно!

„Поколение, которое имело возможность сравнить прошлое с настоящим, вымерло“.

Здесь г. Юкшинский совершает уже явную и, увы, совершенно для честного журналиста нетерпимую передержку. В самом деле, людей, которым сейчас, скажем, от 57 и до 70 лет, еще очень много в СССР. Они прекрасно помнят жизнь в дореволюционной России, а потому отлично могут сравнить ее с коммунистическим раем. И многие новые эмигранты могут подтвердить г. Юкшинскому, что от этих людей, своих отцов и матерей, своих еще живых дедушек и бабушек, они слышали многие и самые подробные данные о той жизни, которая, по сравнению с нынешней, являлась раем настоящим. Не читал ли г. Юкшинский на страницах той же „Русской Мысли“, как нынешние колхозники вспоминают „настоящий царский борщ“, сидя за своим нищенским социалистическим столом? И неужели же в классической русской литературе новые русские поколения не наталкиваются на каждом шагу на такие явления и факты, которые невольно толкают их на сравнения, убийственные для коммунистического строя? И г. Юкшинский очень плохого мнения о молодых русских поколениях, если он полагает, что и из рассказов своих отцов и дедов, и из дореволюционных книг (разве все они уничтожены?) эта молодежь узнает не только о тех „минусах, которые существовали в истории русской монархии“ и о которых „повторяет ежечасно сов. пропаганда“, но и о реформах Александра Второго и Николая Второго и о всех тех благах, которые нам цитирует (при кислой улыбке редактора „Русской Мысли“) сам г. Юкшинский: „о прогрессивных русских судебных установлениях, о дворянско-крестьянских банках, способствовавших укреплению крестьянского земледелия, о действительной (подчеркнуто г. Юкшинским) свободе слова и печати, почти полной свободе совести, о начале народного представительства, наконец, о сравнительно материальном благоденствии в Императорской России“. Надо иметь чрезвычайно незаурядный апломб — чтобы не употребить более резкого термина, — чтобы заявить, что обо всем

этом в СССР „народ не имеет ни малейшего представления“! Неужели те раскулаченные русские мужики, которым сейчас по 60-70 лет, не рассказывают своим детям и внукам, что дала русскому крестьянству реформа Столыпина? Может ли это новое поколение испытывать к монархии то „физическое отвращение“, о котором пишет г. Юкшинский, если эти старики (да и не совсем еще и старики) рассказывают ему о том, как жилось при Царе, как питались и одевались, как свободно посещали храмы, как свободно все покупали и продавали, только потому, что сов. пропаганда твердит им какую-то чушь о „9 января“ или о Распутине? Очень, очень низкого мнения г. Юкшинский, „долго проживший в СССР“, о нашем умном, способном к здравому суждению и уже хорошо знающем цену этой самой сов. пропаганде народе!

И вот, исходя из этого, совершенно необоснованного мнения о столь диком представлении нынешних сов. поколений о монархии, г. Юкшинский, как настоящий Иудушка, сначала „подмаслив“ нас, монархистов, потом без обиняков проявляет свое сдерживавшееся доколе намерение „подложить нам свинью“. Заявляя о том, что „нет никаких сил и возможностей дать сов. народу правильное понимание русского (именно русского) монархизма“, что „монархия, это — пугающий жупел, это самый сильный козырь в руках сов. власти“, он наносит нам свой главный удар, говоря: **Всякая монархическая пропаганда есть вода на мельницу советской власти** и горделиво добавляет: „это говорит человек, прошедший полжизни в активной монархической политике!“ (почему-то мы, старые монархисты, никогда не слышали этого имени и не видели никаких признаков монархического активизма г. Юкшинского!).

И, исходя из столь „веских“ предположений, г. Юкшинский дает нам совет, который и составляет суть его статьи: не отказываясь от монархической идеи, мы должны обрабатывать ее и изучать в „строго научной сфере“, т. е. в тиши наших кабинетов или, может быть, на наших закрытых — но только закрытых! — собраниях. Но „в актуальной политике, в действительной борьбе против большевизма, марксизма, коммунизма — монархизму сегодня нет места“.

Таким образом, если мы, монархисты, приложим максимум своих усилий чтобы перебросить в подсоветские массы тонны и тонны нашей литературы, если в наших листовках и брошюрах мы будем говорить новым русским поколениям о том, чем была в действительности Русская Монархия, если мы с данными и цифрами в руках будем опровергать всю ложь советской пропаганды об этой Монархии, если мы будем объяснять русской молодежи, что Русская Монархия просуществовала в России 11 веков потому, что она наилучшим образом отвечала духу и идеалам нашего народа и что именно поэтому наш народ всегда цеплялся за нее; что она всегда стояла на страже национальных интересов нашей Родины и что ее минусы проявлялись только в те эпохи, когда она как-раз отходила от своей идеальной сущности, если мы будем говорить о том, что в освобожденной от большевизма России не может быть лучшего арбитра при столкновении интересов отдельных социальных классов и более солидного гаранта всяких свобод, чем Народная, т. е. именно Русская Монархия, и если, наконец, мы будем призывать наш народ не только к свержению коммунистической власти, но и к установлению этой Народной Монархии, как единственного спасения его от партийного рабства, — то вся эта наша работа будет бесполезна и нашему народу не нужна! Повидимому, наш народ уже так „осовечен“, что потерял всякую восприимчивость к исторической правде, к правильной оценке своих собственных вековых традиций и социальных, политических и экономических выгод! Неужели же г. Юкшинский думает, что в нашей пропагандной литературе мы будем вешать нашему народу о возврате к сословным и имущественным привилегиям, к „помещикам и капиталистам“, к земским начальникам, к „нижним чинам“, к великосветским салонам и к красным околышам? Какое же право имеет он говорить, что „всякая“ монархическая пропаганда будет только полезна для красного Кремля? С гораздо большим основанием нужно утверждать, что, пережив бедлам керенщины и позорную бездарность Временного Правительства, наш народ при-

мет в штыки всякую проповедь нетленных ценностей Февраля!

Итак, г. Юкшинский приглашает нас, завернув в черный чехол наше монархическое знамя, говорить о Монархии только при закрытых дверях, а прежде всего заняться активной борьбой против сов. власти. Неужели же мы принуждены повторить ему уже навязшую в зубах истину, что борьба может быть продуктивной только тогда, когда бойцы знают не только против чего они борются, но и во имя чего, во имя какой идеи? Для нас, монархистов, Идея Монархии, правильно понятая новыми русскими поколениями именно как Русская Идея, бывшая основным духовным и социальным стержнем Российской Нации на протяжении многих веков, потеряв которой, она потеряла свое благоденствие, эта Идея Монархии и является самой страшной разрушительной силой, способной подорвать и взорвать советскую власть, воздвигнув против нее советские массы, ибо тогда они поймут, что только Монархия может вернуть им это благоденствие, они поймут, что главное препятствие на пути к восстановлению Монархии, как гарантии этого счастья, есть сов. власть, которую, следовательно, нужно сбросить ценою любых жертв. А потому только подлинно монархический активизм опасен для существования сов. власти и только могут чей символ Двуглавого Орла с Императорской Короной может восторжествовать над серпом и молотом, а не какие-нибудь жалкие солидаристические трезубцы или вилы по воде писанные нетленные ценности г. Водова.

И напрасно думает г. Водов, что выпустив против нас своего Иудушку в „монархических“ ризах, он достигнет своей главной цели: побудить нас прекратить нашу пропаганду Идей Народной Монархии, органически связанную с духом, идеалами и традициями нашего народа. Помещение им статьи г. Юкшинского делает честь его осведомленности: он знает, что в настоящее время зарубежный монархизм стоит на пути к своему объединению и превращению в монолитную и опасную для своих врагов силу и что своей главной задачей он ставит как раз переброску Идей Монархии в порабощенные коммунизмом российские массы, организовав эту переброску в самом широком масштабе, для чего в настоящее время имеются и материальные возможности. И г. Водов и все его соратники боятся, что эта яркая Идея, будучи брошена в эти массы в нужном освещении, пробудит в них то российское монархическое сознание, которое придавлено большевистским сагомом, но которого не могли убить ни лживая сов. пропаганда, ни чекистский террор, ибо это сознание было выработано самим народом в силу основных свойств его духа и своеобразия его исторического и социального развития. И г.г. Водовы знают, что это пробуждение навсегда оттолкнет российские массы от столь дорогих им лозунгов „демократической“ республики и от преклонения перед отжившими и обанкротившимися политическими и социальными установками духовно и, в особенности, морально выродившегося Запада. Вот почему „Русская Мысль“ мобилизовала в последнее время всех своих „специалистов“ по антимонархической пропаганде и вот почему она и выпустила на авансцену плохо загримированного Иудушку в наивной надежде побудить нас, монархистов, к молчанию и, в лучшем случае, к тому, чтобы вступить в жалкий строй того идейно пустопорожнего неопределенчества, которое хочет бороться с большевизмом под (по слову П. Н. Краснова) теми белыми знаменами, „под которыми ходят только сдаваться“.

Провокация г. Водова шита белыми нитками и режиссером он оказался нелепым, ибо, конечно, ни один сколько-нибудь толковый и преданный своему делу монархист на такую грубую наживку не клонет. И мы твердо верим — и никакие г.г. Иудушки-Юкшинские нас в этом не разубедят — что нашим первым долгом является самая беспощадная борьба с палачами нашего народа, но эта борьба только тогда принесет свои результаты, если она будет озарена ярким светом святого и бессмертного для всякого Русского человека лозунга:

ЗА ВЕРУ ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО!
ЗА НАРОДНУЮ МОНАРХИЮ!

Н. Потоцкий

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ГАЗЕТУ
"НАША СТРАНА"

Иван Марьянов

ТВОРЧЕСТВО И. С. ШМЕЛЕВА

НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША

... "Мы. — русские: вера в Христово Слово, в Животворящий Свет, в Вечную Правду Божию в нас издревле, от светлой культуры нашей" — с такими трепещущими словами обратился к своим соотечественникам, находящимся на чужбине, писатель Иван Сергеевич Шмелев незадолго перед своей кончиной.

Эту глубокую веру в Христово Слово и в Правду Божию писатель сохранил в сердце своем, пронеся ее через тяжелые испытания свои, через страдания русского народа, верным сыном которого он был, и донес эту веру до зарубежья.

Так бережно несут с собой огонек Четверговой свечи, дабы донести до родного очага.

Так солдат хранит на груди своей клочки полкового знамени, чтобы уберечь святыню от плена и надругательства.

И. С. Шмелев родился в Москве 21-го сентября 1873 года в семье, унаследовавшей от своих предков глубокую религиозность и духовные традиции древней, Святой Руси, что впоследствии было с таким мастерством отобразено писателем в очерках "Лето Господне". Народный говор с его многообразными оттенками Иван Сергеевич Шмелев также впитал в себя с детства: Служащие, рабочие, крестьяне, стекавшиеся в купеческий дом Шмелевых со всех концов необъятной России, приносили с собой много нового, незнамого, что и производило на восприимчивую душу ребенка неизгладимое впечатление. Поэтому-то произведения Шмелева общедоступны, народны.

В 1884 г. И. С. Шмелев поступил в Шестую Московскую гимназию, где наряду с жадной к чтению появилась жажда творить, — начались его первые литературные опыты.

И. Тургенев, Л. Толстой, Глеб Успенский и В. Короленко увлекли будущего писателя настолько, что он под влиянием рассказа Глеба Успенского "Будка" написал рассказ "Городовой Семен".

В 1895 г. в "Русском Обозрении" был впервые напечатан рассказ Шмелева "У мельницы". О рождении этого произведения писатель рассказывает следующим образом:

"Лето перед 8-м классом я провел на глухой реке, на рыбной ловле. Попал, помню, на омут у старой мельницы. Там жил глухой старик, мельница не работала. И меня поразило запустение, бездонный омут "с сомом", обрывы, побитые молнией расщепленные ветлы, глухой старик — что как-то на зарьке, ловя подлещиков, я что-то в себе почувствовал. Хочу и что-то писать! Почувствовав вал и забыл. До сентября я ловил подлещиков и сомат, даже "заболел" для гимназии. Почувствовавное не проходило. И вдруг, среди подготовки на аттестат зрелости, среди упражнений с Гомером, Софоклом, Цезарем, Вергилием, Овидием Назоном, что-то опять почувствовал... Я увидал мой омут, мельницу, разрытую плотину деда. Живые — они пришли и взяли. Помню, я отшвырнул все книги и написал в один вечер большой рассказ".

В конце 1895 года И. С. Шмелев совершил свадебное путешествие на Валаам, что и послужило темой для его книги "На скалах Валаама".

В 1898 году И. С. Шмелев окончил Юридический факультет Московского Университета с дипломом первой степени. Началась трудовая жизнь: с 1899 по 1901 г.г. он был помощником присяжного поверенного при казенной палате, а затем стал чиновником особых поручений. Езда по провинциальным городам Владимирской губернии была утомительна, но и, вместе с тем, обогатила жизненный кругозор писателя. (Полученные от этих поездок впечатления впоследствии нашли свое отражение в рассказах: "Патока", "Поездка", "В норе", "Под небом", "Гражданин Уклейкин" и др.).

После творческого молчания, длившееся 10 лет, Шмелева вновь посетило вдохновение, уже не покидавшее писателя: в 1905 году в журнале Тихомирова "Детское чтение" появился рассказ для юношества "К солнцу", а в 1906 году — в "Русской Мысли" рассказ "Распад".

Литературная деятельность настолько

захватила И. С. Шмелева, что он в 1906 году вышел в отставку и всецело предавался творчеству. Он становится сотрудником целого ряда журналов и газет и его произведения украшают страницы: "Русских Ведомостей", "Киевской Мысли", "Биржевых Ведомостей", "Речи", "Русского Богатства". "Современного Мира", сборников "Знамя" и др.

С 1906 по 1912 г.г. И. С. Шмелевым было написано большое количество рассказов для детей: "Служители правды", "В новую жизнь", "Рваный барин", "Гассан и его Джедди", "Письмо без марки и штемпеля", "Рыболовы ночью", "Липа и пальма", "Палочка", "Мэри", "Мой Марс", "Последний выстрел", "Солдат Кузьма", "Светлая страница", "Как мы летали", "На том берегу", "Пряник" и т. д.

В 1910 году вышла в свет повесть "Человек из ресторана", имеющая несомненную ценность, как в художественном, так и в психологическом отношении.

В 1912 году И. С. Шмелев совместно с И. А. и Ю. А. Бунными, Н. Д. Телешевым, В. В. Вересаевым (Смидович) и, позднее прикнявшим к ним, Б. К. Зайцевым организовали "Книгоиздательство писателей" и начали выпускать сборники "Слово", в первом номере которых была напечатана повесть Шмелева "Розстани".

На войну 1914 года И. С. Шмелев откликнулся книгой "Суровые дни". Не только своей правдивостью поразила эта книга читателя. Ему пришлось задуматься и над следующими строками:

"Крепко и глубоко зацепила невиданная война, со стороны будто и не так заметно, а если взглянуть — те же как-будто стоят тихие избы, а сколько новых узлов запелось и запуталось за оконцами, за серенькими стенами. И сколько этих узлов придется разорвать с болью или скорбью распутывая в долгие дни и ночи, что не устоять в неподвижно-унылом однообразии этим нахмурившимся избам под ветлами и рябинами. Не будут они стоять, как стояли века, раздадутся их стены и заговорят в них новая жизнь..."

Наступил 1917 год и позор Февраля. Сбылось пророчество И. С. Шмелева — "Все сторит". Рухнула Императорская Россия, крушение которой на протяжении долгих лет упорно готовили недоношенные интеллигенты. Вот как охарактеризовал некоторых из них Шмелев в своей статье о Достоевском:

"...Политический кружок идеалиста Петрашевского... "детство русского социализма", утопических мечтаний... заря будущего пожара: полных революционеров-разрушителей Достоевский еще увидит в Швейцарии, в жутком лице "мироразрушителя" Бакунина, породившего в нем образ безумного Шингалова. — роман "Бесы".

Говоря о Белинском, Шмелев его называет "философом-самоучкой, мыслившим часто по верхушкам". Приведя цитату из письма Белинского Герцену: — "в словах "Бог" и "религия" вижу тьму, мрак, цепи и кнут". — Шмелев пишет: "Эта недоношенность мыслей окажется опорой всей той лжи и клеветы на Россию, последствия чего и поныне сказываются: у Европы еще остается от этих дешевых слов и им подобных совершенно искаженное представление о России, о ее сущности, народной и государственной".

С 1918 по 1922 г.г. И. С. Шмелев пробыл в Крыму, где наряду с рассказами: "Степное чудо", "Матрос Всемога" и др., была написана им потрясающая по своей взволнованности и художественному оформлению книга "Неупиваемая Чаша". Это — поэма о страданиях, творчестве, любви. Но все эти и страдания, и творчество, и любовь — неземные, — я бы сказал — от неба. Идеализировал ли Шмелев своего героя Илью? Нет. Таких много на Руси было, есть и будет. И никакие революции — ни Февральские, ни Октябрьские, ни другие "розовенькие" не уничтожат таких людей, ибо русская душа бессмертна.

Нам, оторванным от Родины, особенно знакома тоска по России. Как же описывает это тягостное чувство Шмелев в книге "Неупиваемая Чаша"? Илья Шаронов по приказу барина должен покинуть Италию, где изучил живопись, и возвратиться в Россию. Его бывший

учитель Терминелли уговаривает Илью сбежать от барина и стать вольным.

"Тогда сказал ему Илья, удивленный: —

Если уйти тайно от барина, как могу я воротиться на Родину и послужить своему народу?"

Его не страшит тяжелая крепостная неволя. На предостережение художника "тебя могут убить кнутом, как раба", — смело отвечает:

"— Да, могут. Но там, если я напишу Святой Цецилию, будут рады ваться, и рука не подымет на меня с кнутом..."

Соблазненные большим жалованием не остановило Илью от его намерения откликнуться на зов барина и покинуть солнечную Италию:

"Но не хотел никакой платы Илья: томил его тоска по родному. Все радостное и светлое было в теплом краю, где он жил. Грубого слова, ни окрика не услышал он за эти три года. Ни одной слезы не видал и думал — счастливая сторона какая. Песен веселых много послушал он: пели на улицах и на площадях, и на деревенских дорогах, и по садам, и в полях. Везде пели..."

Но еще больше тянула душа на родину.

Много множество цветов было кругом. — белые и розовые сады видел Илья бесною: и липы белые, тихие цветы мучеников, и маленькие фиалки, и душистая белая акация, миндаль и персик, пахучие, сладкие цветы апельсиновых и лимонных деревьев, и еще много множеств во роз всякого цвета.

Но весной до тоски тянула душа на родину.

Помнил Илья тихие яблочные сады по весне, милую калину, как снегом заметанные черемухи и убранные ягодами раскидистые рябины. Помнил синие колокольчики на лесных полянах, восковые свечи ладанной любки, малиновые глазки-звездочки липкой смолянки и пушистые георгины, которыми убирают Животворящий Крест. И снеговые сугробы помнил, вьюжные пути, и ледяные навесы в соснах. Помнил гул осенних лесов, визг и скрип саней в полях и звонкий, и гулкий, как колокол, голос мороза в бревнах. Весенние грозы в светлых полях и ласковую, милую с детства радугу.

Бедную церковь видел Илья за тысячи верст, и не манили его богатые, в небо тянувшиеся соборы. Закатку в церкви своей помнил Илья, побитую жестяную купель и выцелованные понизу досчатые иконы в полных лентах. Сумрачные лица смотрели за тысячи верст, лохматые головы не уходили из памяти. Ночью просыпался Илья после родного сна и тосковал в одиноких думках..."

Я умышленно процитировал этот длинный отрывок, чтобы читатель полнее воспринял передачу Шмелевым безграничной любви к родине путем словесной музыки.

В другом своем произведении-романе "Няня из Москвы", написанном И. С. Шмелевым в 1932-1933 г.г. в Париже, чувство к родине подано несколько иначе. Пароход отчалил от берегов России:

"Старичок-повар в мешочках стал разбираться. В дыре-то у нас, темно, он и шарит-елозит, охает. — "Что вы, говорю, батюшка, ай чего потеряли?" А он — слава-те, Господи, как же я напугался!" и показывает кожаный кошель. Подумала, — золото — серебро, пожалуй. А это земляца, с собой везет! "Помру на чужой стороне, меня и посыпят родной землицей, в своей, будто, и схороню". Как сказал про земляцу, так меня в сердце вот... не видеть мне родимой нашей!..."

Будучи уже заграницей, Шмелев выпустил книгу "Солнце мертвых", в которой рассказал о пережитом им когда-то в Крыму. Это не только художественное произведение: это крик о гибнущей культуре и уничтожаемых большевиками духовных и материальных ценностях. Страдания русского народа нашли правдивое отражение в: "Это было", "На пенях", "Про одну старуху", "Каменный век".

В одном из крымских рассказов "Крест" Шмелев описывает лето первого года революции, проведенное им у приятеля в Крыму:

"В городе, внизу, наезжие неизвестные уже начали... разогреть рыбаков и садовников — отбирать дачи

у буржуев, но народ был мирный и трудовой, знавший копейке цену: дачку-то получить не плохо, да, пожалуй, про всех не хватит, и без драки не обойтись."

И в то время, когда все же некоторые из этих приезжих начали выламывать розовые кусты "для барышнев", художник Пиньков забросил писать пейзажи с балочками и виноградниками, а занялся коровами и коровниками, дабы поставлять молоко для лазарета: "дело полезное и верное". На недоумение писателя о причине перемены профессии, художник ответил:

"— Сам работаю дьяволом, и ни одна скотина не посмеет орать на меня и называть буржеем... Теперь критики скажут, что Пиньков от пейзажного импрессионизма ушел "в коровы", — плевать! В коровьих глазах я теперь вижу больше, чем в иной человеческой харе. А "харю" вы у меня увидите."

Художник знакомит своего приятеля с Грицкой Марчуком. Шмелев настолько красочно передал характеристику одного из деятелей трех революций, что предоставляем слово лично Марчуку без примечаний:

"— Я знаю, вы писатели... А про что вы пишете? Небось про девок, про всякие пустяки... денежки агребае. Я писателей знаю, у нас на "Потемкине" тоже были писатели... одного мы в топке чуть не сожгли, с альхеереем... забрали тогда с Афона, в газеты про нас писал. Не альхерей... этого мы за толстое брюхо взяли и сожгли... я его первый жег! Он кричит — ай-яй-яй!.. а ево, прямо, за волосы — и в топку: пой, сукин сын, молебен, и никаких. А что, господин писатель, чать вам не ндравится леворюция?..."

Познакомился писатель в тот же день и с полной противоположностью матро су Мишке — коровницей Машей:

"Она была вся какая-то светлая, пышная, игривая. Голос у нее был сочный, грудной, певучий, — русский".

Через год она была убита Марчуком — "комиссаром лесов, дорог и еще чего-то, нашего округа". На белом, высоком кресте на дощечке было выведено славянской вязью:

"Маша Хлебникова, крестьянка, 23 лет, злодейски убита штыком в сердце, в ночь на 20 февраля 1918 года".

Шмелев кончает этот рассказ словами художника Пинькова:

"Да вот, крест... Да, Ма-ша... да, крест, на всем".

И. С. Шмелев не принял революции. Он себе, своим убеждениям остался верен до конца. В этом отношении Иван Сергеевич не похож на многих наших русских писателей, находящихся за рубежом. Некоторые из них возвратились в Советский Союз, другие колебались и сомневались, занимаясь бесплодными поисками истины и правды. Шмелев же мог сказать словами Ф. Достоевского, своего любимого писателя:

"Пусть истина у него (Белинского), но я предпочту остаться со Христом, вне истины..."

В произведениях И. С. Шмелева превалирует Правда, подчас красивая, благородная, Христова, а подчас — жуткая, страшная, ничем не прикрашенная. И этой правде Шмелев трезво и смело всегда смотрит в глаза. Например, сравнивая бытие русского народа с Голгофскими страданиями, и говоря о тяжести бремени, под которым изнемогает Россия, Шмелев говорит:

"Не можем мы отказать от бремени и ига, на нас возложенных. Кем? Всем прошлым — праведными путями и грехами, исканиями и порывами прошлых лет. И — Злом, которое зрело в нас, которое опалило нас, и которое... отрезвляет души..."

Шмелев прежде всего христианин, верящий в окончательную победу Добра над Злом. Этой христианской моралью пронизано все его творчество.

"Дни наши — черные, — говорит Шмелев: — народы на распутье. Чувствуется тревога всюду — куда идем? Ждут перемены и потрясений. Падают силы права, бесстыдство уже не прятается под маской..."

Но все же: "Правда Божия — вот чудесный маяк, по которому, пусть сбиваясь, направляла свой путь Россия, храняла свое богатство, вечно живую Правду, Христово Слово, принесенное на берега Днепра неистовому и светлому народу. Этой Христовой Правдой питалась культура наша.

Пусть мы теперь в чужом, но родное нетленно в нас».

Не пытайтесь искать в творчестве И. С. Шмелева какое-то направление, литературную школу, особый стиль. Шмелев своеобразный писатель, мастер слова, никогда в своих произведениях не теряющий связи между формой и содержанием. На вопрос о стиле творчества Шмелева очень метко ответил в свое время профессор И. А. Ильин:

«Вот покойный и плавный, бескорбно-созерцающий прощальный, древне-забытый стиль «Розстани», с особым, почти былинно-распевным ритмом. Вот сквозящий несказанностями, лирически-трепетный стиль «Неупиваемой Чашы», с ритмом истомно-сладостным и безвольным-страдающим. Вот фотографически-бытовой стиль и нарастающий рвано-бредовой ритм в «Это было». Вот стиль эмоционального взрыва и гениально-хаотический ритм в «На пенках». Вот молитвенно-раскаленный стиль («Свет Разума»), вот стиль трагической истерзанности («Про одну старуху»), а вот единственный в своем роде лирически-бытовой эпос «Лета Господня», весь источенный нежным юмором, и весь пропитанный слезами благодарения, слезами умиленной памяти».

Как же смотрел И. С. Шмелев на искусство вообще? Здесь он перекликается со своим великим предшественником А. С. Пушкиным. В маленькой брошюре, посвященной поэзии Ив. Новгород-Северского — «Певец ледяной пустыни», Иван Сергеевич говорит:

«Что такое искусство? Создание нового, обогащающего душу, дающего радость художнику и нам, воспринимающим его творения. Радость рождается в душе переполненной: душа пустая радости не родит. Радость творчества — вдохновение».

Эти слова одинаково относятся, как к Ив. Новгород-Северскому, так и лично к Ив. Шмелеву: только горя пламенем вдохновения, радостью творчества можно было создать такие замечательные по силе и искренности произведения, какие дали нашей эпохе поэзия Ив. Новгород-Северского и художественная проза Ив. С. Шмелева.

То обстоятельство, что большое количество книг Шмелева переведены на испанский, немецкий, французский, чешский, итальянский, шведский, венгерский, польский, хорватский, голландский, английский и другие языки — говорит само за себя. Ценность творчества Шмелева признана всем культурным миром, так как идея творчества его произведений общечеловеческая.

Опять-таки хорошо сказал проф. И. А. Ильин по этому поводу:

«Шмелев — прежде всего — поэт, поющий поэт, поющий из той трепетной влюбленности, которую ведро счастлива и несчастна его душа, поющий из своего страдания о страданиях России и всего человеческого мира».

И. С. Шмелев русский патриот, беззаветно преданный русскому народу, его культуре, его борьбе за правду и право существовать. В одном из своих обращений к нашему поколению Шмелев сказал:

«...Русский тот, кто никогда не забывает, что он русский».

Кто знает родной язык, «великий русский язык, данный великому народу».

Кто знает свою историю, русскую историю — великие ее страницы.

Кто почитает родных героев.

Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире.

Кто неустанно помнит: «Ты для России, только для России».

Кто верит в Бога, кто верен Русской Православной Церкви: Она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым; Она ведет нас в будущее, в наше; Она водитель наш, извечный, верный».

Не оторванность от родины, ни самые разнообразные политические течения, существующие среди русской эмиграции, не сломали в Шмелеве главного: глубокой и искренней веры в Христианскую Истину, в конечное торжество ее. Неспроста жизненный путь Шмелева был закончен в одном из русских православных монастырей под Парижем, куда он приехал отдыхать (1950 год).

Восторженный и страстный по отношению к Православии, он так же пламенно любил родную литературу.

Говоря об увлечении И. С. Шмелева тем или иным писателем, несправедли-

Борис Ширяев

Учреждение Русского Патриархата

Идея учреждения патриаршего престола на Руси зародилась в мышлении передовых русских людей еще во времена княжения Ивана III. Москва — незначительный удел в среде других уделов раздробленной этой системой Руси ушла в далекое прошлое, она стала первопрестольным градом оформлявшего себя Великороссийского государства и великий князь московский Иван III в дипломатической переписке с некоторыми иностранными державами уже именовав себя не великим князем, но царем и самодержцем, то-есть властителем, равным по значению византийским кесарям и германо-римским императорам, так же носившим титул цезаря. Религиозные устремления, побуждавшие к полному обособлению Русской Церкви и возведению ее на ступень, равную другим православным восточным Церквям, сливались в этом случае с государственно-политическими интересами. Впервые, учреждение московского патриархата открывало Русской Церкви возможности совершенно свободного развития: во-вторых, оно давало ей, а вместе с нею и всей юговосточной Руси, включавшей в себя к тому времени полностью всю великороссийскую ветвь русского народа, беспорное моральное преимущество над Русью юго-западной, литовской, подчиненной инверцу, польскому королю, подвластным которому, в свою очередь, являлся митрополит киевский и, в-третьих, укрепляло авторитет великого князя московского, как носителя и хранителя общерусского вероисповедания, как его главный и бесспорный оплот. Москва — Третий Рим, единственное в то время независимое православное государство — не мог не иметь своего, ни от кого не зависящего религиозного возглавления.

Дальнейшие события, как международные, так и внутрирусские, укрепляли и развивали эту идею. Константинополь был взят турками, и Византийская Империя прекратила свое существование. Было бы уместно упомянуть о его особом взгляде на двух величайших представителей русской культуры — А. С. Пушкина и Ф. Достоевского.

В статье «Верный идеал», Шмелев пишет:

«Возьмите литературу и науку, наших учителей родного: Лермонтов, Гоголь, Пирогов, Менделеев, Хомяков, Вл. Соловьев, Ключевский, Аксаков, Леонтьев, Достоевский и — первый над всеми — Пушкин».

Шмелев говорит далее:

«Великое наше счастье, великая слава наша: есть у нас двое величайших: Пушкин и Достоевский, одно — двое. Оба вышли из беспредельного: от Духа Свята. И принесли откровение — идеал, на великое счастье наше, близкий душе народа... Один — ясный, как Божий день, определенный, — поэт чистый... такой всеобъемлющий — и ясный. Такой человеческий и русский».

Другой, Достоевский, — мудрый вскрыватель недр, — потемок и провалов в человеке, до подсознательного. Не только. Он и вещатель взлетов человека, парений его духа. Точный образитель всех человеческих движений, ключарь человеческого рая-ада, ведун жизни и яркий образитель всечеловечности русской сущности...

Воспояняя один другого, дают они человека в завершенном. И так понятно, что Достоевский внял Пушкина и показал нам. И властно сказал — читайте. Это — завет нам и наставление: Россия, познай себя!.. «Познай себя» через Идеал твой! Познай себя в свете единокровных гениев...

Заканчивая свою статью о И. С. Шмелеве, я хочу сказать, что это лишь опыт характеристики творчества Шмелева. Моя статья не исчерпывает всего того, что можно было бы о нем сказать. Это всего лишь маленькая лепта памяти русского писателя.

Придет время, когда творчество Шмелева будет познано освобожденной нашей Родиной, когда и жизнь Шмелева, и его чудесное мастерство будут достойно оценены и русским народом, и историками нашей отечественной литературы.

Иван Марьянов

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Константинопольский патриарх стал подданным неверного мусульманина, турецкого султана. Флорентийская уния, которая была принята значительно частью византийских иерархов, вселяла в религиозное сознание московских людей недоверие по отношению к Греческой Церкви и, наконец, принята Иоанном IV царского титула, возводившее и всю Московскую Русь на ступень уже не княжества, но царства, то-есть первоклассной исторической державы, все это вместе требовало скорейшего разрешения вопроса об учреждении патриархата на Руси.

Но дело подвигалось медленно. Первые попытки к согласованию вопроса о русском патриархате с восточными патриархами не давали сколько-либо значительных результатов, пока за дело не взялись одновременно проникнутый глубоким благочестием и религиозным духом смиреннейший из царей Феодор Иоаннович, с одной стороны, и фактический правитель царства, выдающийся государственный деятель и дипломат боярин Борис Федорович Годунов — с другой.

К этому времени возглавляемая митрополитом Русская Православная Церковь была фактически уже самостоятельна и сознавала это, что характерно подтверждает такой эпизод. В 1586 году антиохийский патриарх Иоаким приехал за милостыней в Москву, где митрополитом был в то время Дионисий. Когда патриарх вошел в Успенский собор, то митрополит вышел ему навстречу и первым, вопреки чину, благословил его, после чего и сам принял благословение от греческого патриарха. Иоаким пытался протестовать против этого нарушения чина, но принужден был умолкнуть. Именно во время этого пребывания антиохийского патриарха в Москве вопрос об учреждении русского патриархата был поставлен решительно.

«По воле Божией, в наказание наше, восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти едва ли не всякой лишены; наша же страна благодатно Божией во многоразширение приходит и поэтому я хочу, если Богу угодно и писания Божественные не запрещают, устроить в Москве превысший престол патриархий», сказал царь Феодор Иоаннович совместно боярской Думе и Освященному Собору. В этой речи смиренного и немногоречивого царя явно чувствуется государственная мысль и властность Бориса Годунова. Патриарху антиохийскому Иоакиму вместе с богатой милостыней было официально поручено поставить это предложение русского царя на обсуждение собора Греческой Церкви. Но дело продолжало тянуться. Восточные патриархи явно не хотели утверждать равного себе на Руси. Они обещали дать ответ через патриарха иерусалимского, но этого ответа в Москву не приходило.

Летом 1589 года в Смоленске неожиданно появился старший из восточных патриархов Иеремий византийский в сопровождении митрополита мальвазийского и архиепископа элассонского. Москва о его приезде заранее не была извещена и поэтому отнеслась к нему с предельной осторожностью: смоленский воевода получил выговор за то, что безвестно для царя впустил иноземного патриарха на русскую территорию. Одновременно ему, а вместе с тем и епископу смоленскому было предписано изолировать патриарха, в особенности от сношения его со всеми иноземцами, допуская его лишь в церковь при оказании ему должного почета. Те же меры предосторожности были применены к византийскому патриарху и в Москве, где его также поместили в большом почетом в доме рязанского владыки, но изолированного даже от приехавших с ним вместе греческих купцов. Царь принял его так, как принимал иностранных послов, без оказания особых почестей, после чего Годунов повел с ним длительные переговоры, большая часть которых осталась тайной. В результате этих переговоров было достигнуто согласие старшего из восточных патриархов на утверждение патриархата в Москве, но грек все же потребовал, чтобы всероссийский патриархий престол был предоставлен ему самому. Годунов, а под его влиянием и царь, приняли это требование, но с ус-

ловием, чтобы патриархий престол находился во Владимире, а не в самой Москве, следовательно грек-патриарх отстранялся бы от фактического руководства Русскою Церковью, которую возглавлял тогда высокочтимый всею Русью митрополит Иов и также от возможности влиять на государственные дела. Греческий патриарх понял этот дипломатический маневр Годунова и продолжал настаивать на своем требовании. Тогда с необычайной, казалось бы, для него решимостью ему ответил сам царь Феодор Иоаннович в своей речи к боярам и Освященному Собору: «Патриарх Иеремия вселенский на Владимирском и всея Руси патриаршестве быть не хочет; а если бы мы позволили ему быть в своем государстве на Москве, на патриаршестве, где теперь отец наш и богомолец Иов митрополит, то он согласен. Но это дело недостаточное: как нам такого сопредельника великих чудотворцев и достохвального жития мужа, святого и преподобного нашего отца и богомолца Иова митрополита от Пречистой Богородицы и великих чудотворцев изгнать, а сделать греческого закона патриарха».

«Вследствие подозрительности, ясные следы которой видны повсюду, иметь патриархом иностранца, грека, должно было казаться крайне неудобным», пишет по этому поводу С. М. Соловьев.

Переговоры тянулись еще полгода и лишь в 1589 году был учрежден в Москве патриархий престол и первым всея Руси патриархом избран был митрополит Иов. Вместе с ним владыки новгородский, казанский и крутицкий были возведены в митрополиты, а еще шесть епископов русских — в архиепископы, после чего богато одаренный патриарх Иеремия был отпущен обратно в Константинополь с грамотою к султану Мурату и поручением достигнуть соглашения на учреждение патриаршего престола в Москве от других восточных патриархов. Это последнее поручение выполнить ему было, очевидно, нелегко, так как лишь только через два года митрополит терновский привез в Москву грамоту с их согласием, а одновременно и просьбу к Годунову о присылке шести тысяч золотых. Речь об этом даре велась, очевидно, еще в Москве, потому что точно указанная константинопольским патриархом сумма, очень значительная по тому времени, была ему тотчас же отправлена в венгерской и португальской монете, — русской золотой валюты тогда еще не существовало. Кроме того, как сообщает один из лучших исследователей вопроса об учреждении патриаршества на Руси Зернин, патриарху было послано от царя сорок сороков соболей, тридцать сороков кунц, десятеры цки горностайные, пятнадцать пудов рыбьего (моржового) зуба и множество ценной серебряной утвари. Патриарх Иов и Борис Годунов также отправили ему ценные дары, а торговому представителю Руси в Царьграде было предписано выдать патриарху еще соболей, кунных и других мехов, а также и шестьсот венгерских золотых.

Религиозная и одновременно государственно-политическая цель, поставленная перед собой окрепшей национально-великороссийской Русью, была достигнута, о чем Годунов поспешил тотчас же известить юго-западную литовскую Русь в специальном наказе послан в Литву Салтыкову и Татищеву. Но и восточные патриархи применили все силы, чтобы отстоять свой приоритет над Москвою. Патриарху всея Руси было предоставлено лишь пятое последнее место, после Константинопольского, Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского патриархов.

Борис Ширяев

RADIO DEL ESTADO
710 килоцикл.

30 сего мая от 17 до 18 час.

Дирекция фирмы «ТРОЙКА»

устраивает

СПЕЦИАЛЬНУЮ

РАДИО-ПЕРЕДАЧУ
посвященную годовщине
ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В программе передачи:

Историческая справка об основании Санкт-Петербурга;

Декламация отрывков из поэмы А. С. Пушкина «Мелный Всадник»;

Арии из опер «Пиковая Дама» и «Евгений Онегин».

